

Виктории Александровне Швейцер

И от судеб защиты нет...

А. С. Пушкин

От автора

Работа над биографией художницы Магды Нахман началась осенью 2010 года, когда Виктория Александровна Швейцер, автор книги «Быт и бытие Марины Цветаевой», подарила мне копии писем Нахман и ее подруги, художницы Юлии Оболенской, и некоторые другие документы, которые она собирала на протяжении многих лет в различных архивных хранилищах. Я бесконечно благодарна ей за знакомство с Магдой и Юлией и за разрешение пользоваться собранными материалами. Ей я посвящаю перевод этой книги.

Я благодарна Марку Ястребенецкому за внимательное прочтение моего перевода и за редакторские замечания.

Я признательна коллегам-биографам, которые читали мою англоязычную рукопись на различных стадиях работы, за их критические замечания и горячую поддержку: Мэри Дирборн, Эрику Лаурсену, Дэвиду Перкинсу, Мэри и Роберту Бэгг. Я благодарна внимательным читателям моей рукописи Аннет Аронович и Алле Зейде за интереснейшие замечания.

Я благодарна Ларисе Алексеевой — автору книги «Цвет винограда», повествующей о Юлии Оболенской и Константине Кандаурове, — за обсуждение наших главных героев и за знакомство с рукописными и живописными материалами из собрания Государственного литературного музея в Москве.

Людмила Максимовская помогла мне попасть в Усть-Долыссы, где Магда Нахман жила с осени 1919 до осени 1920 года, работая в Народном театре. Она снабдила меня копиями невельской газеты «Молот» — бесценным источником информации о жизни провинции во время Гражданской войны.

Оле Бирк Лаурсен, знаток архивных материалов, связанных с анархистами, щедро делился со мной своими знаниями и снабжал меня важными архивными документами. Примавера Боман-Бехрам открыла для меня архив своей матери Хильды Хольгер и разрешила использовать письменные и фотографические документы из него. Маргит Франц поделилась со мной сведениями о культуре Бомбея между двумя войнами и о жизни там европейских беженцев. Я благодарю Кеннета Роббинса, знатока индийской культуры, за знакомство с прекрасным человеком и замечательным скульптором Кармел Берксон, которая сорок лет прожила в Бомбее / Мумбаи и которая в свою очередь связала меня с Кармен Кагал, а та представила меня нескольким кураторам мумбайских музеев и владельцам работ Магды Нахман.

Члены большой семьи Магды Нахман, проживающие в Швеции, Англии, Уэльсе, Швейцарии и в России от Москвы до Сибири, щедро делились со мной своими воспоминаниями, семейной перепиской, работами Магды и фотографиями, без чего история Магды Нахман была бы еще более неполной, чем это, к сожалению, есть. В частности, я благодарна Тео Ленеру, Софи Сейфалиан, Маргрет Прайс, Наталии Микаберидзе, Оксане Селивановой и Алексею Кнорре.

Джеру Чавда, дочь художника и друга Магды Шиавакса Чавды, была моим верным спутником на художественных выставках и в прогулках по Мумбаи.

Владельцы произведений Магды в Индии поделились со мной своими воспоминаниями и позволили сфотографировать принадлежащие им картины; это Ширин Сабавала, Хира и Адриан Стивен, Сарью Доши, Рошан Купер, Майя и Айеша Малхотра, Шаред Патель, Дэррил и Брайан Д'Монте. Я также благодарна другим владельцам работ Магды, которые нашли меня в интернете и прислали мне репродукции принадлежащих им картин, а именно Жаклин Хейл (США), Ноаму Муалему Йосефу (Израиль), Джону Бернсу, Энн Вудхолл и Луи Прайсу (Великобритания).

Я выражаю благодарность Оиндриле Райчаудхури, архивисту Института фундаментальных исследований Тага в Мумбаи.

Я благодарна редакторам издательства Academic Studies Press — Анджеле Бринтлингер и Екатерине Яндугановой за их профессионализм и доброжелательность, а Александре Глебовской — за квалифицированную и деликатную редактуру русскоязычного текста и чувство юмора.

Я приношу свою благодарность колледжу Franklin & Marshall за финансовую поддержку моих исследований, позволившую мне работать в России, Великобритании и Индии.

Я особенно обязана моему другу и коллеге Лене Неклюдовой, которая работала со мной в нескольких московских архивах, сопровождала меня в поездке в Усть-Долыссы и стала соавтором трех статей, связанных с этой биографией. Ее острый слух и требовательные вопросы спасали меня от фальши.

Я в долгу перед Давидом Крамером — моим самым пронзительным читателем, беспощадным критиком, придирчивым редактором английского текста, неизменным вдохновителем.

Предисловие

В моем рассказе о художнице Магде Нахман будет много белых пятен, которые трудно заполнить. Ее поколение ушло, и сведения о ее жизни и творчестве приходится собирать по крохам в архивах, периодических изданиях того времени, по музеям и частным собраниям, в биографиях ее друзей и родственников. К тому же ей выпало жить в период эпохальных исторических сдвигов, которые не пощадили ни ее картин, ни свидетельств о ней. Я начала свое знакомство с Магдой по ее письмам. Их сохранилось и попало в мои руки немало. Благодарить за это надо ее ближайшую подругу, художницу Юлию Леонидовну Оболенскую, и исследователя жизни и творчества Марины Цветаевой Викторию Александровну Швейцер.

Виктория Александровна собиралась писать книгу о Марине Цветаевой. Она работала в РГАЛИ (ЦГАЛИ в ее время), изучая среди всего прочего фонд Оболенской — приятельницы Волошина и частой гостьи Коктебеля, сыгравшей важную роль в жизни Цветаевой. В архиве Оболенской нашлись и письма художницы Магды Нахман, автора единственного прижизненного живописного портрета Цветаевой: он был написан в Коктебеле в 1913 году. Закончив книгу «Быт и Бытие Марины Цветаевой» (1988), Виктория Александровна решила заняться историей Коктебеля как артистической колонии начала XX века. Она собрала много архивных документов из фонда Оболенской и из фонда Максимилиана Волошина в ИРЛИ, но времени на большую работу не нашла. В конце концов часть собранного ею материала попала в мои руки. С этого и началось мое исследование.

К сожалению, архив Оболенской оказался разрозненным. Сама художница надеялась поместить его целиком на хранение

в Третьяковскую галерею. В конце 1920-х годов она отдала туда некоторые подготовленные ею материалы. Туда же в 1941 году, перед эвакуацией из Москвы, принесла зашитые в мешок дорожные ей письма. После ее смерти в 1945-м оставшийся архив (дневники, письма, картины) был свезен в Государственный литературный музей (ГЛМ) и оприходован как «выморочное имущество». Так как объем этого «имущества» оказался для ГЛМ неподъемен, часть его отдали в Третьяковскую галерею, часть попала в Р(Ц)ГАЛИ, большое количество документов разошлось по другим хранилищам¹. Очевидно, в момент поступления этого материала в архивы мало кто понимал его ценность. Кое-что было списано «за ненужностью». Многие долго лежало неразобраным. А между тем здесь были картины самой Оболенской и картины, отданные ей на хранение, ее дневники (в том числе коктебельские), воспоминания о Л. С. Баксте и художественной школе Е. Н. Званцевой, письма известных поэтов, писателей, художников и письма ее друзей.

Интереснейшая часть архива — это письма подруг Оболенской, молодых художниц, учениц Л. С. Бакста, М. В. Добужинского и К. С. Петрова-Водкина в художественной школе Е. Н. Званцевой, открытой ею в Петербурге в 1906 году. Эта дружеская переписка велась с 1908 по 1922 год — до тех пор, пока события не разбросали подруг по всему свету. Все они превосходно владели словом, ярко описывали свою эпоху с точки зрения обыкновенного человека, оказавшегося в гуще исторических событий, культурных и политических. Часть этой переписки я и получила в дар от Виктории Александровны.

Перечитав письма несколько раз, я решила, что буду писать биографию Магды Нахман. Надо признаться, это было смелое решение: кроме ее имени, писем из разных городов и селений с упоминаниями неизвестных мне инициалов и одной картины ее работы (портрета Цветаевой), я ровно ничего о ней не знала. Где и когда она родилась; в какой семье выросла; каким художником была; почему переписка оборвалась в 1922-м — все это

¹ О судьбе архива Оболенской см. [Алексеева 2017: 15–16].

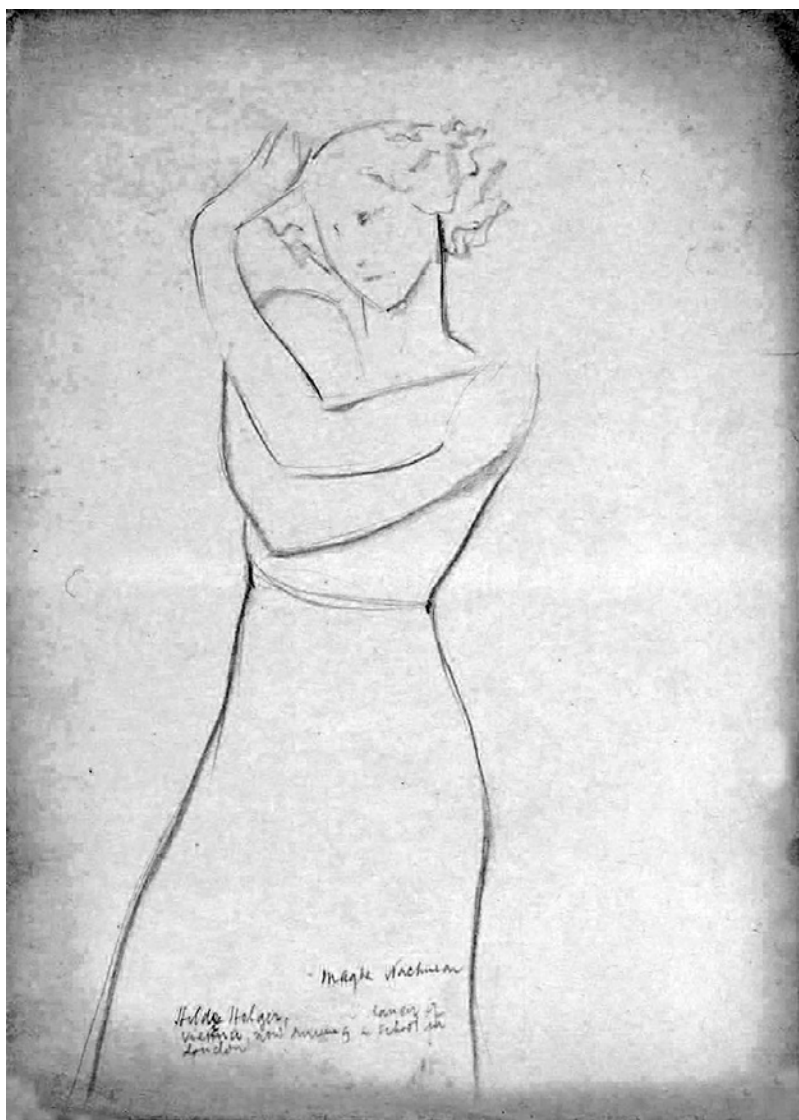

Рис. 1. Магда Нахман. Хильда Хольгер (Hilde Holger Archive © 2001 Primavera Boman-Behram, London UK)

было мне неизвестно. Но по письмам я почувствовала, что Магда — родной мне человек, а ее жизненный опыт отражает историю первой половины XX века.

Имя Магды в интернете в сочетании с именем Марины Цветаевой тут же выдало мне портрет поэта и цитату из письма Магды о смерти младшей дочери Цветаевой Ирины. Письмо было написано в Москву Юлии Оболенской из деревни Усть-Долыссы. Каким образом, зачем Магда оказалась в этой деревне в 1920 году? Как она узнала там о смерти Ирины, когда ее подруга в Москве об этом еще не знала?

С каждой находкой в интернете множились и загадки. Нашлись ссылки на рисунки Магды для детского еврейского альманаха, выпускавшегося в 1928–1931 годах в Берлине. И тут же было сообщение, что на обложке перевода романа В. В. Набокова «Подвиг» (Glory, 1971) — портрет писателя работы М. Нахман 1933 года. Значит, Магду надо искать и в Берлине.

Виктория Александровна упомянула однажды, что, кажется, Магда вышла замуж за какого-то индийца, приехавшего в Россию на второй съезд Коминтерна, по фамилии Ачария или Ачарья. М. П. Т. Ачария оказался хорошо известным деятелем индийского национально-освободительного движения. Из статьи в интернете я узнала, что он действительно провел несколько лет в Советской России, но покинул ее в 1922-м «с русской женой». Умер Ачария в Индии. Если Магда действительно вышла за него замуж, поехала ли она за ним в Индию?

Я начала искать европейских беженцев, проживавших в 1930–40-х годах в Индии, и наткнулась на имя известной танцовщицы Хильды Хольгер, которая приехала из Вены в Бомбей в 1939 году и открыла там школу современного танца. На ее сайте в разделе «Archive Art Collection» я напечатала «Магда Нахман» и увидела рисунок с подписью: «Бомбей — Хильда. Работа Магды Нахман» (рис. 1).

Я не поверила своим глазам. Но за этой находкой последовали другие: несколько портретов Хильды, ее маленькой дочери Примаверы и эскизы костюмов к балетным постановкам в школе танцев — все работы Магды. С создателем сайта можно было

связаться по электронной почте. Им оказалась сама Примавера Боман-Бехрам. Прим, как я стала скоро звать ее, жила в Лондоне, куда ее мать вместе с мужем, известным гомеопатом доктором Ардеширом Кавасджи Боман-Бехрамом, и дочерью переехала из Бомбея в 1948 году. Теперь трехэтажный лондонский дом Прим заполнен архивом ее матери, документирующим ее долгую, богатую событиями карьеру, в том числе и индийский период с 1939 по 1948 год. В этих документах остался и след Магды.

Таким образом, получалось, что Магда жила в России в эпоху Серебряного века, двух революций 1917 года и Гражданской войны. Она была в Германии во время прихода к власти Гитлера (о чем говорит время написания портрета Набокова). И она же была свидетельницей освободительной борьбы в Индии и установления там независимости. Ну и выпало же на ее долю!

Скитания Магды по белу свету подтвердились самым неожиданным образом. Пока я искала следы Магды в интернете, ее внучатая племянница Софи Сейфалиан проводила свои собственные генеалогические исследования и в поисках своей дальней родственницы нашла меня, так как к этому времени мое имя уже было связано с именем Магды в нескольких моих публикациях. Когда я увидела письмо Софи на экране компьютера, моим первым порывом было лететь первым же рейсом в Лондон, где она жила. Поостыв немного, я решила ей позвонить. Скоро я стала обладательницей семейных преданий и фотографий, газетных вырезок из Индии — критических статей и некрологов, копий картин Магды, сохранившихся у ее сестры в Швейцарии.

Передо мной развернулась картина моих будущих путешествий: города и деревни, где Магде приходилось жить, где-то год, где-то десять лет, где-то дольше. Мои маршруты пролегали через Россию, Германию, Швейцарию, Индию и доходили до Англии. Мне надо было найти ее работы и понять, что значило для нее искусство, удалось ли ей остаться художницей несмотря на все трудности эмигрантской жизни. Я отправилась в путь в поисках Магды.

Глава 1

«Великая маленькая леди художественного мира Бомбея»

По следам Магды

Магда Нахман умерла в Бомбее 12 февраля 1951 года на шестьдесят втором году жизни.

Судьба нанесла жестокий удар миру искусства. Печальная новость ожидала множество художников и любителей живописи, пришедших в этот понедельник в выставочный зал Института иностранных языков на открытие выставки многогранного художника Магды Нахман. Магда Нахман, как было объявлено, скончалась за несколько часов до открытия выставки¹.

Из этого некролога, опубликованного в бомбейской «Free Press Bulletin» и многих других индийских газетах, ясно, что Магда была известна и пользовалась уважением публики, интересующейся искусством, а также любовью друзей, в чьих воспоминаниях она предстает скромным, чутким и деликатным человеком. В одном из некрологов ее называют «Великой маленькой леди художественного мира Бомбея». Половина номера журнала «Aesthetics» за январь — март 1951 года посвящена статьям о Магде, написанным европейцами и индийцами, хорошо ее

¹ [Free Press Bulletin. 1951. February 14]. Все переводы сделаны автором.

знавшими². Все авторы отзываються о ней с искренней теплотой и сочувствием.

В письме к Хильде Хольгер Чарльз Петраш, венгерский журналист, эмигрировавший в Индию в 1930-х годах, друг и почитатель Магды, создатель Института иностранных языков (ИИЯ) в Бомбее и организатор многих художественных выставок³, писал:

12.2.51 умерла Магда Нахман, за два часа до открытия своей выставки в ИИЯ в Бомбее, так что Оскару Брауну⁴ пришлось открыть ее как мемориальную. Пришло более 500 человек, и через час было продано картин на 6000. В газетах появились заметки о ней и о выставке. В них пишут, что Бомбей никогда не видел такого блестящего общества, как в тот вечер. Да, поздновато... не так ли?

Действительно, поздновато. Магда прожила всю свою взрослую жизнь в нищете, часто голодая, не имея возможности купить хорошую бумагу и необходимые краски. В Индии она наконец стала признанным художником и наставником нового поколения индийских живописцев.

Магда попала в больницу с инсультом за месяц до открытия персональной выставки в ИИЯ, которая была организована друзьями, чтобы собрать деньги на ее лечение. Больница Свято-

² [Aesthetics 1951: 2–18]. «Aesthetics» поддерживал и популяризовал современных индийских художников. В нем печатались иллюстрированные очерки о новых достижениях в мире искусства. В одном и том же номере можно было увидеть работы современных индийских художников М. Ф. Хусейна, Джамини Роя, К. Х. Ары и работы Пикассо, Брака и Матисса, а также репродукции картин китайских и японских мастеров. Журнал стремился представить своим читателям различные эстетические взгляды.

³ В 1946 году Петраш открыл международный центр (ИИЯ) в Бомбее, а затем его филиал в Нью-Дели (1950). Он организовывал спектакли, радиопередачи о культуре и выставки, в том числе несколько персональных выставок Магды, две из которых прошли посмертно: одна в Бомбее в 1951 году (упомянута выше), другая — в Нью-Дели в 1952-м. Петраш поддерживал и пропагандировал современное индийское искусство, выставляя работы многообещающих начинающих художников (например, С. Х. Разы).

⁴ Оскар Браун был главным судьей Бомбея.

го Георгия, где она умерла, была больницей для бедных, в которой санитарные условия и медицинская помощь оставляли желать лучшего. Тем не менее, возможно, о Магде там заботились лучше, чем о местных: все-таки она была «белая», что в 1951 году, совсем вскоре после того, как англичане покинули страну, все еще давало определенные преимущества.

Индия! Какое маловероятное место эмиграции для девушки из Санкт-Петербурга. Известно, что после революции 1917 года и Гражданской войны русские эмигранты устремились в Константинополь, Прагу, Ригу, Берлин, Париж, Харбин; в 1930-х годах европейские евреи бежали в Палестину, Южную Америку или Соединенные Штаты. Но очень немногие из тех, кого коснулись события того времени, оказались в Индии. Опасаясь профессиональной конкуренции и социального бремени, британцы, как известно, скупались на визы, а те немногие, которые они выдавали, предназначались молодым профессионалам. Британская политика ограничивала въезд в Индию даже лицам, не замеченным в политической неблагонадежности, и тем, чьи друзья или родственники в Индии были готовы оказать им финансовую поддержку. Цифры пугают: с января 1938-го по февраль 1939 года правительство Индии, решив, что не более 150 иностранцев будут допущены к участию в конкурсе на работу в стране, выдало всего 269 въездных виз еврейским беженцам, в их числе было 128 женщин и 16 детей⁵. Петрашу, Хольгер и Нахман просто повезло. Среди других, получивших права на въезд в страну, были чешский редактор, сценарист и кинематографист-авангардист Вилем Хаас и его друг композитор и музыковед Уолтер Кауфманн, родом, как и Хаас, из Богемии, который в 1936 году создал позывные для All-India Radio. Несколько австрийских художников и коллекционеров тоже попали в Бомбей, а затем сыграли заметную роль в продвижении и поддержке современного индийского искусства.

Магда прожила в Бомбее с 1936 до 1951 года. Город был застроен англичанами в стиле неоготики. В середине 1930-х

⁵ См. [Oosterheld 1999: 26].

Рис. 2. Ученицы Хильды Хольгер на пляже Джеху в Бомбее (Hilde Holger Archive © 2001 Primavera Boman-Behra, London UK)

Бомбей превратился в строительную площадку. На осушенных участках, отвоеванных у Аравийского моря, строились дорогие многоквартирные дома и офисы в стиле ар-деко. Открывались новые кинотеатры, напоминавшие дворцы. Наряду с автомобилями, все еще использовались легкие кареты, частные и наемные. Город утопал в зелени. Жители роскошных домов заказывали Магде свои портреты.

Городская беднота селилась в рабочих кварталах. Их обитатели, базары, где крестьяне продают свой товар, уличные торговцы, мальчишки-разносчики населяют картины Магды. Она жила среди них и писала их, передавая человеческое достоинство и физическую красоту своих моделей.

Я приехала в Мумбаи, чтобы пройти по нему вместе с Магдой. Моя первая прогулка началась наутро после приезда.

Я не знала, что гостиница, где я остановилась, расположена недалеко от океана: ночью, когда я приехала, его видно не было. Проснувшись утром, я первым делом поглядела в окно и чуть не замурыкала от восторга. Передо мной открылся вид на серый безбрежный простор. Я быстро собралась, съела оставшийся апельсин, вышла из гостиницы и очутилась на пляже.

В этот ранний час пляж, окутанный легким туманом, был почти пуст. Несколько человек занимались йогой, кто-то совершал пробежку вдоль воды, фотографы расставляли свои лотки

Рис. 3. Ученицы Хильды Хольгер на пляже Джеху (Hilde Holger Archive © 2001 Primavera Boman-Behram, London UK)

в ожидании заказчиков, одинокий нищий вяло бродил от одного к другому. Ко мне подошла девочка лет восьми с младшим братом; дети поздоровались по-английски и пожали мне руку. С ними был мужчина, очевидно отец; он поощрительно кивал головой. Я спросила, как называется это место, и услышала в ответ: пляж Джуху. У меня перехватило дыхание. Это был пляж, куда Хильда Хольгер привозила своих учениц; здесь она с ними танцевала в костюмах, сшитых по эскизам Магды. Позже я узнала, что в центральной части города, где была расположена студия Хильды, пляжи были гораздо меньше и многолюдней. А здесь были простор, свобода (рис. 2 и 3).

Хильда и Магда стали близкими подругами. Хильда родилась в Вене в 1905 году в еврейской семье. Ее призванием стал современный танец. Она с успехом выступала на европейских сценах. В 1926-м она открыла студию современного танца в Вене, которая быстро приобрела известность. Но весной 1938-го ей, как еврейке, было приказано закрыть студию и прекратить выступления. По рассказам ее дочери Примаверы, Хильда отнеслась к этому легкомысленно, не поверила в серьезность происходившего. Подумала, что сезон все равно идет к концу, приближаются летние каникулы. Там видно будет.

Однако к осени положение оказалось гораздо страшней, чем она предполагала, а весной 1939-го стало угрожающим. Случайно столкнувшись со знакомым на улице, она пожаловалась ему. Он предложил переправить ее в Индию. Через день она была на пути в Марсель, а там пересела на пароход до Бомбея. Ее мать даже умудрилась отправить сундук с ее костюмами и фотогра-

фиями с тем же пароходом. Вся семья Хильды осталась в Вене и погибла в Катастрофу.

Так в Бомбее встретились и подружались две беженки: Хильда из Вены и Магда из Петербурга. Магда с детства говорила по-немецки так же хорошо, как и по-русски. Французский и английский выучила в школе и владела ими свободно. Я предполагаю, что между собой подруги говорили по-немецки, а на людях по-английски.

В Бомбее, в 1941 году, Хильда вновь открыла студию танца, которую она назвала «Школа современного художественного движения». Магда делала эскизы костюмов и декораций для ее спектаклей. Сохранилось несколько картин с изображением танцующей Хильды и несколько карандашных портретов Примаверы, выполненных в 1946–1948 годах (рис. 4 цв. вкл.).

Одна из учениц Хильды, Нергиш Теджани, вспоминает о Магде:

Я никогда не забуду Магду Нахман. Хильда нарядила меня в костюм клоуна <сшитый по эскизу Магды>. Магде он очень нравился, и она меня в нем нарисовала. Магда была небольшого роста, полная, с короткой шеей и полными ногами с толстыми щиколотками, возможно, опухшими. Когда мы были знакомы, она, кажется, начинала сидеть. Ее муж был невысоким, очень худым, смуглым человеком в очках с темной оправой. Он бродил по квартире в одном лишь полотенце, обернутом вокруг пояса. Мне запомнилось, что он обращался к ней так, как будто был все время раздражен. Возможно, ему не хватало уединения: натурщики и модели постоянно приходили в дом. Еще там было много кошек, которые входили и выходили, когда хотели. У Магды и ее мужа — кажется, его звали Ачария — было множество кошек, они меня постоянно щекотали, пока я позировала для портрета у них дома, где-то за Марин-Драйв — рядом с водой. Она сильно огорчалась, когда я двигалась, даже если кошки делались несносными⁶.

Это воспоминание Нергиш о детстве относится к 1945 году. Очевидно, Магда уже хворала.

⁶ Из электронного письма Нергиш Теджани, 2012.

В студии Хильды Магда познакомилась с другими художниками, приходившими делать наброски с учениц. Среди них был Шиавакс Чавда, ученик Владимира Полунина, в свое время работавшего с труппой Дягилева в Лондоне, а до этого учившийся у Бакста, одного из создателей русских балетов в Париже и одного из основных художников труппы Дягилева. А ведь Магда тоже была ученицей Бакста — тоненькая ниточка связи, ведущая к пониманию друг друга. По программам спектаклей Хильды видно, что иногда Чавда и Магда работали вместе.

Какой счастливый случай привел меня в первый же мой день в Индии на пляж Джуху, где некогда танцевала Хильда в костюме, сконструированном Магдой? Я решила, что это хорошее предзнаменование.

В Мумбаи меня ждала комната в большой квартире, в которой я намеревалась провести полтора месяца. После прогулки по пляжу Джуху я взяла такси и отправилась к хозяйке квартиры. Оказалось, что в одной из комнат доживала свой век сестра ее покойного мужа, другие комнаты сдавались. Квартира была расположена в самом удобном для меня районе города. Я могла дойти пешком до всех музеев и библиотек, которые наметила посетить.

Полтора месяца. Был только день первый, но я уже чувствовала, что время ограничено. Сразу после ухода моей хозяйки (которая сначала повозила меня по магазинам, а потом накормила обедом в своем клубе) я собралась звонить тем, с кем хотела встретиться. Длинный список имен и мест я составила заранее и понимала, что нельзя терять ни минуты. Первую встречу я хотела назначить на следующий день на девять часов утра. К счастью, в квартире жил помощник, который готовил всем завтраки и обеды. Когда я попросила его принести завтрак в полвосьмого, потому что мне надо быть в городе к девяти, он сказал: «К девяти? Гм... Почему бы вам не назначить встречу на десять тридцать или одиннадцать? Это будет девять по индийскому времени». Разумеется, он оказался прав.

На следующее утро я встретила с Майей Малхотра. Ее портрет Магда написала за несколько месяцев до своей смерти, в 1950 году — Майе было тогда девять лет. Когда я договаривалась

о встрече, она была в шумной компании. Единственное, что я смогла расслышать в телефонной трубке:

— Приходите в «Бомбей-Джимхана», к двенадцати.

— Что? Куда?

— Да просто спросите кого-нибудь. Вам скажут.

Мне действительно сказали. «Бомбей-Джимхана» — это клуб. Почти все состоятельные жители Мумбаи принадлежат к какому-нибудь клубу (как моя хозяйка, например), и названия клубов хорошо известны.

Родители Майи хотели заказать Магде портреты своих троих детей, но Магда успела написать только портрет старшей дочери (рис. 5 цв. вкл.).

Как вспоминала Майя — шестьдесят четыре года спустя, — в течение недели каждое утро семейный шофер привозил ее к Магде. (По другим свидетельствам, Магда работала над портретами гораздо дольше.) Майя помнила светлую просторную студию в квартире на третьем этаже, с большими окнами, выходящими на океан. Внизу был круглый сад. Майя все время повторяла, что это был хороший район, хороший адрес, Малабар-Хилл, при этом она помнила, как ее родители говорили, что Магда очень бедна и замужем за коммунистом.

Я хотела увидеть то место, где жила Магда. Майя сразу согласилась отвезти меня к ее дому. Мы взяли такси и быстро оказались на Малабар-Хилл. Точного адреса Майя не знала, но помнила, что дорога шла вверх, к дому вела извилистая подъездная дорожка. Мы подъехали к группе строений под номером 64 по Уалкешвар-Роуд. На письмах Ачарии к племяннице Магды в Швейцарию, копии которых переслала мне Софи, значился дом под номером 63 по той же улице, на другой стороне, ближе к океану. Но там не было извилистой подъездной дорожки, ведущей вверх. Подвела ли Майю память? Или номер дома изменился? В любом случае, Майя вряд ли могла знать номер дома. Жители Мумбаи / Бомбея пользуются не номерами домов, а их названиями. Например, диктуя свой адрес, они могут сказать: «Мой дом называется “Ласточка”; он стоит около банка напротив большой старой смоковницы на такой-то улице».

Мы стояли, рассматривая дом 64, и вдруг Майя вспомнила, что в этом доме живут ее знакомые. Ее неуверенность сменилась решимостью. Она позвонила мужу, узнала номер их телефона, и через несколько минут мы уже поднимались на четвертый этаж. Как оказалось, весь комплекс построек под номером 64 принадлежал ее знакомым, а до этого домами владели их родители. Они знали здесь все и всех. О Магде они никогда не слышали.

Нам предложили чай, от которого нельзя было отказаться, хотя таксист ждал нас внизу. За чаем выяснилось, что племянник нашего хозяина зачислен в колледж, где я преподаю, а другой племянник поступает туда же на следующий год. Странное совпадение, но оказалось, что в Мумбаи мой колледж пользуется популярностью и молодые люди определенного класса стараются в него попасть. Это расположило хозяев ко мне, и впоследствии они стали моими проводниками по Малабару.

Вопрос о квартире Магды на время остался открытым. Несколько дней спустя я встретила с Ширин Сабавалой, вдовой известного индийского художника Джехангира Сабавалы (1922–2011). В 1942 или 1943 году, когда Ширин было лет двадцать, она, как и Майя, позировала Магде для портрета в ее студии. Но она помнила маленькую, скудно обставленную комнату, заваленную газетами, в жалкой лачуге на улице Уалкешвар на стороне океана. Она повторяла, что Магда и Ачария были очень бедны, очень бедны. Очевидно, им кто-то разрешил поселиться в этой лачуге⁷.

Воспоминания Ширин явно противоречили описанию Майи: большая светлая комната на третьем этаже с видом на океан! Майя могла перепутать студию Магды и квартиру своих знакомых с другой стороны улицы. Более вероятно, что к концу сороковых годов Магда и Ачария переехали в другую, более благоустроенную квартиру, куда и привозили Майю.

⁷ Скорее всего, Магда и Ачария поселились в этой «лачуге» к концу лета 1940 года. В письме от 22 сентября 1940 года Адель спрашивала сестру: «Как твоя новая квартира? Надеюсь, более прочна, чем прошлая?»

Рис. 6. Магда Нахман у входа в свой дом в Бомбее, 1938 (любезно предоставлено Sophie Seifalian)

Но оказалось, что Магда и Ачария поселились на Малабар-Хилл даже раньше 1943 года. Рассматривая каталоги Бомбейского художественного общества, я наткнулась на адрес Магды в выпуске за 1937 год: 56 Ridge Rd., Malabar Hill, Bombay 6, а через несколько месяцев получила подтверждение еще из одной пачки открыток, которые мне переслала Софи. Эти открытки бабушка Софи, сестра Магды, посылала своей дочери. В одной из них, с датой «1938 год», был указан «новый» адрес Магды, такой же, как и в каталогах (56 Ridge Rd., Malabar Hill). Здесь же была фотография, присланная Магдой сестре, где она стоит на фоне своей квартиры, расположенной на первом этаже (рис. 6). На обратной стороне фотографии написано по-немецки: «Позади дверь и окно моей квартиры. Перед входом во двор. Как видишь, я отращила волосы, чтобы выглядеть аккуратней. Снято в январе».

Малабар-Хилл — полуостров на юго-западе Бомбея, омываемый Аравийским морем, — стал домом для Магды если не сразу после ее переезда в Индию в 1936 году, то вскоре после этого.

По описанию Ширин Сабавалы, Магда была «небольшого роста, милая, с очаровательным лицом». Портрет, для которого Ширин позировала в красном сари, писался долго. Магда странно держала кисть: ее большой палец был искривлен («возможно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru